

Юрий Колкер

«ТЪМА — ТЪМА И ЕСТЬ»

О стихах Михаила Генделева

(1984)

«Поэты мутят свою воду, чтобы она казалась глубже...» Стихи Генделева — лучшая иллюстрация этой старой истины. В них сделано все, чтобы замаскировать убожество мысли скрыть непродолжительность вдохновения. Первое достигается отказом от знаков препинания, второе — пресловутой лесенкой. Выпишем первую часть стихотворения *Война в саду* (журнал *Двадцать два*, №38) в два столбца: слева — авторский текст, справа — его трансляция:

Взят череп в шлем
в ремни и пряжки челюсть
язык
взят
в рот

тьма
тьма и есть
покуда смотришь через
а не наоборот

тьма это тьма
когда смотреть снаружи
но — взгляд
на черную росу покрывшую оружие
войну тому назад.

Взять череп в шлем, в ремни и пряжки челюсть,
Язык взят в рот.
Тьма — тьма и есть, покуда смотришь через,
А не наоборот.

Тьма — это тьма, когда смотреть снаружи.
Но — взгляд
На черную росу, покрывшую оружие
Войну тому назад...

Итак, это чисты рифмованный (хотя и разностопный) ямб; если б не рифмы *череп-челюсть* и *снаружи-оружье*, можно было бы сказать — классический. Зачем потребовалась причудливая архитектоника и презрение к запятым? Чтобы читатель, в поиска ритма, всегда составляющего основу стиха, не заметил ложного глубокомыслия и пошлости («тьма это тьма», «язык взят в рот», «войну тому назад»); чтобы он проглотил косноязычье: «когда смотреть снаружи» — вместо «когда смотришь снаружи» или «если смотреть снаружи», допущенное ради того же ритма, иначе говоря обнаруживающее элементарную, ребяческую неумелость, невладение стихом. Обратимся теперь к семантике. Что сказал нам автор в этих *восьми стихах*? Поэтическая мысль неразрывно связана со звуком, но не сводима к нему. О чем это он? — о природе, о человеке, о Боге? «Тьма это тьма»... Может, он — и правда о войне? Два слова: *шлем* и *оружье*, как будто (вместе с названием), намекающие на это. помещены в такой контекст, что семантика их остается неопределенной; мы не знаем, шлем ли это танкиста, оружие ли — крестonosца... Конечно, абстрактное мышление необходимо математику и музыканту (художнику и ученому), но более всего оно присуще обывателю. Об этом писал Гегель, противопоставляя обывателю — философа, мыслящего конкретно. То же относится и к поэту. Мыслитель (философ, писатель, поэт) обогащает семантику слова, сдвигает, развивает ее, — но никогда не отменяет и не игнорирует. Генделев же обходится со словом чисто по-обывательски, не вкладывая в него ничего. Но может быть, он нарисовал нам космические образы, потрясающие воображение? Нет, он занят тьмой, обладающей странным оптическим

свойством: она — всё тьма, смотришь ли *через* нее или *снаружи*, но перестает быть тьмой — если *наоборот*... Право, не хочется и обсуждать этот лепет: так он беспомощен.

(...)

Генделев не вовсе бездарен. Он — носитель того расхожего (обывательского) поэтического дара, с которым рождаются тысячи, десятки тысяч (каждый десятый).

30.12.1984

(статья не закончена)